

«Русский отдел» германского МИДа на рубеже 1918–1919 гг.

Аннотация. Завершение мировой войны, крах империи Гогенцоллернов и революция 1918 г. привели к значительной перестройке германской внешней политики, в том числе и по отношению к России. На место традиционных геополитических интересов пришел страх политической элиты перед «мировым большевизмом», который нашел свое выражение в подъеме антисоветской пропаганды. Ее координацией занимались профессиональные дипломаты, работавшие как в политическом отделе Министерства иностранных дел Германии, так и в посольствах этой страны в крупнейших европейских государствах. Это неформальное сообщество, получившее название «русский отдел», является предметом настоящего исследования, основанного на документах Политического архива МИДа Германии. В него входили как чиновники кайзеровской эпохи, так и дипломаты-новобранцы. Их объединяли знание реалий дореволюционной России и в то же время неспособность оценить новые приоритеты советской внешней политики, в том числе и в отношении Веймарской республики. В результате «русский отдел» МИДа в первой половине 1919 г. являлся фактором, тормозящим нормализацию отношений между двумя государствами, которые впоследствии окажутся париями Версальской системы международных отношений.

Ключевые слова: Веймарская республика, Версальская система, советско-германские отношения, МИД Германии, немецкие дипломаты, мировая пролетарская революция, Коминтерн, большевистская партия, Брестский мир, Рудольф Надольный.

Review. The end of the world war, the collapse of the Hohenzollern empire and the revolution of 1918 all contributed to significant changes in the German foreign policy, including in relation to Russia. Instead of its traditional geopolitical interests, the political elite's fear of "world Bolshevism" took over and found its voice in the rise of anti-Soviet propaganda. The coordination of the German foreign policy was carried out by professional diplomats who worked both in the political department of the German Ministry of foreign affairs and in the country's embassies in some of the largest European states. The focus of this research is on the informal network dubbed as the "Russian department" and is based on the documents from the Political archive of the German Ministry of foreign affairs. This network included officials from the Kaiser era, as well as newly selected diplomats. They were united by their knowledge of Russia's pre-Revolution realities and at the same time by their inability to assess the new priorities of the Soviet foreign policy, including with regard to the Weimar republic. Consequently the "Russian department" of the German Ministry of foreign affairs in the first half of 1919 became a hindering factor in the stabilisation of the two states' relations and ultimately they found themselves as outcasts in the Versailles system of international relations.

Key words: Communist international, world proletarian revolution, German diplomats, German Ministry of foreign affairs, Soviet-German relations, Versailles system, Weimar republic, Bolshevik party, Treaty of Brest, Rudolf Nadolny.

Вопрос о профессиональном сообществе германских дипломатов, занимавшихся отношениями с Россией в годы Веймарской республики, уже затрагивался в ряде научных работ [7; 5; 10]. Немецкая исследовательница Ингмар Зюттерлин предприняла попытку нарисовать коллективный портрет этого сообщества, включавший в себя социальное происхождение его представителей, специфику их профессиональной карьеры и идейных воззрений [11]. С точки зрения Зюттерлин, если кадровые дипломаты кайзеровской

школы видели Россию сквозь шоры «реальполитик», то люди, пришедшие в МИД после 1918 г., занимали более дружественные по отношению к Советской России позиции.

Отдавая должное достижениям предшественников, хотелось бы отметить два момента, которые побудили меня обратиться к данной теме в расчете на получение нового научного знания. Во-первых, анализ взглядов и деятельности дипломатов, занимавшихся российскими сюжетами, предлагается в опубликованных работах на достаточно широком хронологическом

отрезке, что не позволяет в полной мере осветить все нюансы и колебания германской внешней политики. Во-вторых, авторы не берут в качестве объекта исследования «революционную составляющую» советско-германских отношений, считая ее маловажной и даже посторонней темой, относящейся, скорее, к истории Коминтерна [11, 14]. Поэтому в настоящей статье речь пойдет о кратком периоде становления внешней политики Германии, совпавшем с революцией 1918–1919 гг. и подготовкой Версальского договора, а в содержательном плане – о реакции дипломатов на угрозу «мирового большевизма», под которой они понимали международное воздействие российской революции 1917 г.

Строго говоря, о появлении региональных отделов в германском МИДе можно говорить только после его структурной реформы, начавшейся весной 1920 г. Используя устоявшееся выражение «русский отдел» применительно к нашему периоду, мы берем его в кавычки, подчеркивая таким образом неформальный характер той группы дипломатов, которая занималась отношениями с Советской Россией на рубеже двух эпох германской истории.

После краха империи Гюгенцоллернов здание МИДа на правительственной улице Вильгельмштрассе опустело. В понедельник 11 ноября 1918 г. в нем появились только курьеры и машинистки – чиновники средней руки предпочитали отсиживаться по домам, выжидая дальнейшего развития событий. Над особняком даже вывесили красный флаг – не столько из солидарности с рабочими демонстрациями, сколько из опасения, как бы революционная толпа не разгромила учреждение, традиционно считавшееся оплотом аристократии и реакции.

Одним из немногих дипломатов, кто ежедневно тайком пробирался в мидовский особняк, был Рудольф Надольный, который на исходе Первой мировой войны курировал российское направление германской внешней политики. До возвращения в Берлин в 1917 г. он был посланником в Персии и покинул ее вместе с турецкими войсками. Надольный, скорее, присутствовал, чем участвовал в переговорах о Брестском мире, хотя его дневник содержит крайне интересные замечания об их ходе и главных действующих лицах [6, 88–101]. В мемуарах Надольного, дающих яркую картину обстановки в МИДе в первые дни революции, показано, насколько успешно министерская бюрократия противодействовала попыткам новых

властей внести в работу внешнеполитического ведомства хотя бы малейшие изменения. Так, Надольный подробно описывает попытку революционного правительства – Совета народных уполномоченных – назначить левого социалиста Хольмана германским посланником в Копенгаген. Мидовской кастой были мобилизованы все силы сопротивления, и в конце концов туда отправился «свой» – карьерный дипломат Константин фон Нейрат [8, 67].

Надольный, получивший летом 1918 г. чин тайного советника, играл первую скрипку на совещании представителей ряда министерств в конце октября, где решался вопрос о разрыве дипломатических отношений с Советской Россией. Именно ему принадлежит идея организовать провокацию, произведя досмотр очередного дипломатического багажа, присланного из Москвы. В своих мемуарах Надольный довел ситуацию почти до драматургического звучания: «В ходе заседания в прусском Министерстве внутренних дел 3 ноября я доложил, что в Петербург были посланы тридцать ящиков с винтовками для защиты тамошнего генконсульства. На вокзале в Петербурге один из ящиков разбился, и оружие было обнаружено. Я закончил свое выступление словами: “У нас, конечно, ящик никогда бы не разбили”» [8, 62].

Хотя в одном из ящиков, случайно разбившемся при разгрузке на Восточном вокзале в Берлине буквально на следующий день, были найдены не бомбы и винтовки, а коммунистические листовки, это стало достаточным поводом для высылки из страны полпредства РСФСР, которое возглавлял соратник Ленина Адольф Иоффе. Советские дипломаты справедливо расценили эту провокацию Германии как шаг к тому, чтобы ускорить достижение перемирия с Антантой. Об этом 9 ноября 1918 г. сообщал в германский МИД посланник в Берне барон Конрад Ромберг. По итогам беседы с советским дипломатом Г. Л. Шкловским Ромберг рекомендовал как можно шире развернуть антибольшевистскую пропаганду [4, 4]. Однако на первом месте среди мотивов принятия данного решения стояло не противодействие большевистской пропаганде, а страх, что с началом революции советское полпредство станет штабом ее радикального левого крыла. Вполне определенно высказался по этому поводу и Ленин: «Германское правительство потеряло голову, и, когда горит вся Германия, оно думает, что погасит пожар, направляя свои полицейские кишки на один дом» [3, 150].

Высылка Иоффе привела к появлению целого ряда проблем, которые требовали ежедневного присутствия Надольного в здании МИДа. Поезд с персоналом полпредства до демаркационной линии противостояния советских и германских войск сопровождал атташе граф Антон Саурма фон Йелч. Он не стеснялся шпионить за своими подопечными, переправляя в МИД записи телеграфных переговоров Иоффе и Чичерина. Первый не хотел покидать пределы оккупированной немецкими войсками территории и ехать в Москву, рассчитывая, что начавшаяся революция вновь вернет его на авансцену политических событий в Берлине. Нарком иностранных дел не скрывал своего возмущения, неоднократно подчеркивая, что дипломатических представителей Советской России попытались унижить «жалкие шейдемановцы». Именно так преподносил дело Саурма в отправленной из Минска в Берлин записи телеграфных переговоров Иоффе и Чичерина от 8 ноября 1918 г. [9, R 2018].

К телеграфным переговорам подключился Карл Радек, работавший в то время в Наркоминделе. Он настойчиво просил Иоффе дать общую оценку состояния дел в революционной Германии: «Верите ли Вы, что юнкерство и генералитет капитулируют без сопротивления? Все вопросы чрезвычайно важны для общей оценки: идет ли речь о безвозможности, подготовке военной диктатуры или о достигнутом соглашении с конкурентами?» (Под «конкурентами» Радек понимал державы Антанты.) Радек требовал немедленных ответов, ссылаясь на необходимость принятия принципиальных решений на предстоящем на следующий день заседании ВЦИК. Очевидно, речь шла о признании недействительным Брестского мира, за которым должно было последовать продвижение Красной армии к бывшим западным границам Российской империи.

Иоффе, подозревая, что разговор прослушивается, уклонился от прямых ответов по телеграфу, однако высказался в пользу предположения, что немцам в последний момент удалось достичь «соглашения» (Einigung) с Антантой. Для большевиков это был наихудший сценарий – в обмен на капитуляцию на Западе Германия в той или иной мере могла бы сохранить свои завоевания на Востоке, по крайней мере пока оттуда исходила «красная угроза». Фактически это означало бы появление единого фронта империалистических держав, направленного против России. Поспешный отказ от

Бреста мог стать в таких условиях *casus belli*. В результате большевики проявили несвойственную им осторожность – «похабный» Брестский мир с Германией был аннулирован РСФСР только 13 ноября 1918 г., т. е. уже после подписания Компьенского перемирия, завершившего Первую мировую войну.

В качестве ответа на высылку советского полпредства образованный в Москве Совет немецких рабочих и солдатских депутатов, состоявший из возвращавшихся на родину военнопленных, захватил здание посольства Германии в Денежном переулке. Персонал посольства во главе с консулом Гербертом Гаушильдом (в будущем он станет сотрудником «русского отдела») оказался в заложниках, находившийся в здании телеграфный аппарат Юза попал в распоряжение Наркоминдела. Вызволению сотрудников посольства и консульства стало главной головной болью Надольного. Лишь 19 ноября на железнодорожной станции в Орше состоялся обмен членов советской и германской миссий по принципу «всех на всех».

Разрыв дипломатических отношений привел к тому, что берлинский МИД лишился важного канала достоверной информации о положении дел в Советской России. «Русский отдел» продолжал получать сводки новостей от «Разведывательного ведомства по Востоку» (Nachrichtenstelle fuer den Orient), которое находилось в Берлине и работало на Генеральный штаб. Вскоре после завершения мировой войны оно получило новое название – «Германский институт Востока» (Deutsches Orient-Institut), однако продолжило свою деятельность. В конце 1918 г. сводки института имели весьма ограниченную информационную ценность. Подавляющую часть их объема составляли переводы статей из советской прессы и газет, печатавшихся на территории России, которую контролировали белые генералы [9, R 10116].

Малосодержательными были и донесения германских посланников из европейских стран, если они касались большевистского режима. Пересказы «страшилок», авторами которых были бежавшие из России аристократы, перемежались с откровенными домыслами. Вот всего лишь один характерный пример из дипломатической переписки тех дней. «В случае падения Германии (под натиском левых радикалов. – А. В.) можно говорить о том, что наша дальнейшая судьба предрешена, ибо большевизм в течение короткого времени завоюет весь мир», –

сообщал 6 декабря 1918 г. в Берлин германский посол в Вене граф Георг фон Ведель [9, R 19594].

Сотрудникам «русского отдела» МИДа пришлось довольствоваться жалкими крохами информации, которые просачивались из-за «железного занавеса». Ситуация стала напоминать военные годы, когда главную роль играли шпионы и добытые ими агентурные сведения. Подобно графу Саурма, барон Эдмунд фон Терман записывал телеграфные переговоры оставшегося в Берлине адвоката Оскара Кона, принявшего на себя представительство интересов РСФСР, с Чичериным и другими советскими руководителями.

Кон, будучи членом НСДПГ и левым социалистом, на следующий день после падения монархии Гогенцоллернов выражал надежду на то, что теперь будет преодолен дефицит правдивой информации о ходе российской революции, которая ранее поступала в страну. «Теперь открыты все границы для просветительской литературы, которая раньше считалась опасной пропагандой. Знание реального хода революционного процесса в России станет для всех нас важной основой успеха нашей собственной освободительной борьбы», – говорил 11 ноября 1918 г. Оскар Кон представителю Совета немецких рабочих и солдатских депутатов в Москве Эрнсту Ройтеру [9, R 2018]. Сотрудники «русского отдела», напротив, делали все возможное, чтобы поток вестей из Советской России не выходил за пределы здания МИДа. Страх перед дальнейшим углублением революции в собственной стране являлся главным императивом их деятельности. Все требования Иоффе о возвращении в Берлин были оставлены ими без внимания, что подтверждается телеграммой атташе Саурма от 15 ноября 1918 г., в которой тот запрашивал Надольного, должен ли он переслать по назначению письмо, направленное Иоффе в адрес Берлинского совета рабочих и солдатских депутатов с требованием о немедленном возвращении в германскую столицу [9, R 2019].

Поддерживая информационную блокаду России, военное руководство Германии настаивало на том, чтобы внешнеполитическое ведомство немедленно развернуло пропагандистскую кампанию об ужасах большевизма, обращенную «лично к президенту Вильсону и ко всей Америке», как говорилось в телеграмме из ставки Верховного командования за подписью Пауля фон Хинце в германский МИД от 12 ноября 1918 г. [9, R 19594]. Замысел генералов был понятен –

им нужно было убедить страны Антанты, что германская армия на Востоке делает благое дело, защищая Запад от «красной угрозы» и, значит, должна оставить за собой захваченные позиции на территории бывшей Российской империи.

Преодолев первый шок от революционных событий в Берлине, сотрудники «русского отдела» МИДа принялись выполнять поставленную задачу. В их руках оказался неопределенный капитал – вернувшиеся в момент действия Брестского мира немецкие военнопленные, знавшие Советскую Россию не понаслышке. Уже в первые месяцы после завершения мировой войны на книжных прилавках появилось огромное количество их воспоминаний о пребывании в плену, выдержанных в крайне антисоветском духе [2, 208–213].

Еще одним кадровым резервом «русского отдела» стали российские немцы, работавшие в германском посольстве в Москве и вернувшиеся на историческую родину вместе с его персоналом. Уже 1 декабря 1918 г. один из них, бывший пресс-секретарь консульства Эдуард Штадлер, создал в Берлине Генеральный секретариат для изучения и борьбы с большевизмом. При деятельной поддержке Надольного Штадлер получил значительные средства от предпринимательских кругов [10, 192], обеспечивая информационными материалами не только собственный МИД, но и американскую делегацию на переговорах о перемирии. В них неизменно господствовали алармистские настроения. Так, 14 января 1919 г. Штадлер утверждал, что Красная армия достигнет границ Германии через 8–14 дней, а обещанные большевиками поставки продовольствия обеспечат ей поддержку немецкого пролетариата [9, R 19595]. Еще одним «резервистом», прибывшим вместе с персоналом посольства из Москвы, стал некто Дмитрий Кошин, предложивший опубликовать в германских газетах серию статей об ужасах большевистской власти, замаскированных под письма от корреспондента, оставшегося в России. Инициатива нашла весьма сдержанный отклик в «русском отделе» МИДа. В записке от 2 января 1919 г. помощник Надольного Франц-Карл Цительман посчитал возможным предложить творения Кошина местной германской прессе, ибо для центральных газет они слишком длинны [9, R 19594]. По инициативе Надольного Кошин, получив немецкий паспорт на имя фон Хагена и солидные суммы денег, направился в вояж по скандинавским странам. Его обещания наладить связи в кругах русской эмиграции и организовать

информационный канал из Москвы обернулся блефом – «резервист» оказался тривиальным аферистом. Выданные Кошину авансы после нескольких месяцев интенсивной переписки пришлось списать. Очевидно, Надольный сохранял уверенность в том, что с Россией можно вести дела так, как с полуколониальными деспотиями Востока, – подкупать, засылать шпионов и завыывать агентов влияния. Ошеломляющий успех «пломбированного вагона», отправленного из Швейцарии в Россию весной 1917 г., в новых условиях германским дипломатам повторить уже не удалось.

За несколько дней до Рождества пост статс-секретаря МИДа Германии занял граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау, до того работавший посланником в Дании. Первым делом он затеял смотр наличных сил, запросив соответствующие справки от ключевых подразделений министерства. Как ни странно, в их число попал и «русский отдел» (Russisches Referat), не имевший формального статуса и состоявший всего из пяти чиновников (Надольный, Цительман, Терман, Блюхер и Саурма). Обращает на себя внимание сам факт «самозванного» образования регионального отдела (помимо России в имперских границах в него вошла Персия), что было прямым предвосхищением упомянутой выше реформы 1920 г. Биограф Надольного Гюнтер Вольштайн справедливо отмечает, что его герой «самой судьбой был призван» стать творцом этой реформы, однако слава ее проведения досталась его соратнику Эдмунду Шюлеру [12, 52]. Справка, датированная 29 декабря 1918 г., раскрывала не только кадровый состав «русского отдела» (наряду с пятью названными чиновниками еще трое занимались национальными окраинами Российской империи), но и излагала основные направления его работы [9, R 10116a; 4, 140–143]. Германии следовало продолжать политику ослабления России, насколько это позволяли новые обстоятельства, а именно: доминирование на ее окраинах белогвардейских правительств, в той или иной мере подконтрольных Антанте.

Ключевой тезис Надольного звучал следующим образом: наша политика в отношении России в годы войны была направлена прежде всего на обеспечение безопасности наших восточных границ, а также на ослабление России посредством откола от нее (Zerlegung) окраинных государств. Теперь, после поражения, нам придется проявлять сдержанность, но мы не должны

оставлять попытки завоевания союзников среди представителей старой России.

Что касается большевиков, автор документа высказывался против расхожего мнения о том, что их дни сочтены и достаточно малейшего усилия Антанты, чтобы их диктатура была уничтожена. Сейчас нужно думать прежде всего о Германии: чтобы «красная угроза» не перекинулась на нашу страну, «мы должны отвергать любые попытки сближения и воздействия на нас со стороны советского правительства» [4, 142]. В нынешних условиях бесполезно размышлять на тему, предпочтительнее ли объединиться с Антантой против большевизма или с большевиками против Антанты: «первое бесперспективно, второе – слишком опасно».

В данном вопросе Надольный оказался большим реалистом, нежели сам Брокдорф-Ранцау и его окружение, которые делали ставку на то, что участие Германии в едином фронте Запада против большевизма обеспечит стране благоприятные условия мира. С точки зрения «русского отдела» максимум, на что можно было рассчитывать в ходе мирных переговоров в Париже, – это на объяснение победителям того, что кабальный мир бросит Германию в объятия большевиков. Хотя этот аргумент не избавил страну от «цепей Версаля», предложенная Надольным линия на балансирование Германии между Востоком и Западом спустя несколько лет легла в основу рапальской политики.

Консолидированное мнение «русского отдела» выражала записка консула Цительмана «Наше нынешнее отношение к России», датированная 31 января 1919 г. В ней не содержалось принципиально новых предложений, но обращает на себя внимание ее самокритичный тон. Провал восточной политики Германии на завершающем этапе мировой войны привел ее ныне к пассивности и отказу от активных действий до того, как закончится гражданская война в России (чем она закончится, никто из дипломатов под сомнение не ставил). Запятнав себя союзом с большевиками в 1918 г., Германия рисковала заплатить за него дополнительную цену на мирных переговорах. Пока же она, брошенная Западом на произвол судьбы, оказалась один на один с наступающим русским большевизмом. «Нет никаких сомнений в том, что русское правительство ради достижения своей конечной цели не остановится ни перед чем, для того чтобы втянуть на своей стороне Германию в войну с Антантой» [4, 218].

Записка Цительмана отражала растущий страх перед международным влиянием большевиков – опровергнув все предсказания скорой и неминуемой гибели, те во весь голос говорили о близкой мировой революции. В условиях политической нестабильности левые силы в стране видели в приближении Красной армии к границам Германии не угрозу, а шанс вырваться из-под опеки Антанты. Тот же Цительман 26 января 1919 г. встречался с делегатами рабочих и солдатских советов Восточной Пруссии. Они собирались отправиться на переговоры в Москву, чтобы обсудить взаимодействие с наступающими частями Красной армии, и требовали конкретных инструкций. Дипломат с трудом убедил своих визави, что ведение подобных переговоров – дело имперского правительства, а не местных властей. Об этом Цительман сказал делегатам Совета Восточной Пруссии Вольфгангу Шмидту и Рихарду Раковскому [9, R 19596].

В начале 1919 г. Надольному и его коллегам пришлось вести обильную переписку с германскими посланниками в Стокгольме и Хельсинки – те сообщали о полном провале «миссии Кошина», который повсюду требовал денег, жил на широкую ногу и не выполнял взятых на себя обещаний. Провал этой авантюры заставил германских дипломатов заняться поиском альтернативных каналов связи с Россией. С января по апрель основной поток эксклюзивной информации оттуда шел через специально созданный «русский отдел» консульства Германии в Выборге, который возглавил только что пришедший на дипломатическую службу Вальтер Бартельс.

Фактически бюро Бартельса существовало независимо от консульства и финансировалось в равных долях МИДом и Генеральным штабом [9, R 10119]. Хотя его доклады опирались в основном на анализ советской прессы, Бартельс всячески подчеркивал наличие доверенных лиц в высших эшелонах партии большевиков и советского правительства. В докладах причудливо смешивались реальные факты и домыслы – так, 26 февраля 1919 г. Бартельс сообщал о расколе в руководстве РКП(б). Ленин якобы выступил за привлечение иностранного капитала для восстановления страны, но не нашел поддержки у своих соратников. Тем не менее, утверждалось в докладе, рано или поздно он перетянет партию на свою сторону, т. к. власть большевиков держится исключительно на его личном авторитете и влиянии [9, R 10117].

Противопоставление «реалиста» Ленина «радикальным еврейским комиссарам» во главе с Троцким и Зиновьевым (последние настаивают на подталкивании вперед мировой революции в сопредельных с Россией странах, подчеркивал Бартельс) было весьма распространенным сюжетом западной прессы той эпохи, хотя нельзя исключать и того, что он родился на российской кухне слухов. Так или иначе, доклады «русского отдела» в Выборге не приблизили берлинских дипломатов к пониманию реальных механизмов функционирования большевистской диктатуры в России. Однако активная деятельность Бартельса по установлению связей с русской эмиграцией вызывала явное недовольство дипломатических представителей Антанты и привела к его высылке из Финляндии, о чем сообщалось в донесении германского посланника Брюка из Хельсинки от 27 февраля 1919 г. [9, R 19598].

В начале марта 1919 г. Надольный получил неожиданное повышение – он стал руководителем политического бюро президента Германии Фридриха Эберта. После ухода яркого дипломата деятельность «русского отдела» МИДа потеряла политическую направленность, свелась к ежедневной текучке. Наряду со сбором и анализом информации о Советской России у его сотрудников появился новый вид работы. Им все чаще приходилось выступать в роли сопровождающих в ходе визитов в Берлин эмиссаров из стран Антанты, которые хотели на месте ознакомиться с тем, как Германия борется с наступлением мирового большевизма.

Трое английских офицеров находились в германской столице почти целый месяц, с 16 марта по 10 апреля 1919 г., следя за ходом расследования по делу Карла Радека, арестованного в Берлине в феврале [9, R 19600]. Французский офицер Дерюо посетил мероприятия Антибольшевистской лиги, осмотрел следы мартовских столкновений коммунистических демонстрантов и воинских отрядов на северо-востоке Берлина [9, R 19599]. В беседе с сотрудником «русского отдела» Випертом фон Блюхером француз подчеркнул необходимость совместных действий в борьбе с большевизмом, но заявил, что его правительство пойдет на сотрудничество с немцами в этой области только после заключения мирного договора.

Обвинение в том, что германские власти потворствуют левым радикалам в надежде на то, что раздутый последними революционный пожар перекинется на страны Антанты, было од-

ним из средств давления на немцев в ходе мирных переговоров. Еще один берлинский визитер, английский офицер Гибсон, прямо заявил сопровождавшему его Терману: «Я лично видел в Швейцарии документы, согласно которым официальные германские ведомства занимаются перенесением большевизма в страны Антанты» [9, R 22495].

В результате сотрудники «русского отдела» МИДа не решались даже размышлять об использовании «большевистской карты» в ходе отстаивания Германией своей позиции на Парижской мирной конференции. Терман в своей записке, адресованной министру иностранных дел, предлагал сделать четкий выбор в пользу Антанты и избегать двусмысленных действий, пока страна не вернет себе свободу действий во внешнеполитической сфере. Любые контакты с русскими усилят подозрения, что мы ведем двойную игру, писал Терман. Что бы ни обещали нам большевики, они не откажутся от своей установки на разжигание мировой революции, а значит – от посягательства на существование цивилизованной Германии. «В заключение следует еще раз указать на то, что любое политическое сближение с советским правительством в условиях современного внутривосточного положения неизбежно приведет к большевизации нашей собственной страны» [4, 373].

В свою очередь, весной 1919 г. дипломаты на Вильгельмштрассе активно искали следы тайного сговора Антанты с большевиками, направленного против Германии. Подводя итоги своей миссии в Выборге, Бартельс писал: «Следует признать большой ошибкой нынешние попытки Антанты вступить в переговоры с советским правительством, ибо это наверняка спасет большевизм от краха в самый последний момент его существования» [9, R 10119]. Как видно, «кошмар коалиций» продолжал преследовать недавних противников в мировой войне, каждый из них считал, что оппоненты ведут за его спиной тайные переговоры о сепаратном мире с Советской Россией.

«Русский отдел» МИДа летом 1919 г. продолжал противодействовать поиску новых подходов в советско-германских отношениях, ссылаясь на порядок обветшавшую к тому моменту угрозу большевистского переворота в Германии. Давление извне, требовавшее поиска свежих импульсов, шло отовсюду – от левых партий до предпринимательских кругов. Карл Радек (заочно назначенный официальным представителем

Советской России в Германии) 4 июля 1919 г. из Моабитской тюрьмы обратился к новому министру иностранных дел Герману Мюллеру (СДПГ) с письмом, в котором потребовал немедленного восстановления в полном объеме дипломатических и торговых отношений. Радек не стеснялся давить на большую мозоль немцев: «Германия отдана на милость Антанте и вынуждена пассивно наблюдать, как созданные ею для блокирования России лимитрофные государства блокируют по приказу Антанты саму Германию» [2, 272].

Предпринимательские круги, заинтересованные в восстановлении своих позиций на российском рынке, на свой страх и риск (а также на свои деньги) стали отправлять «разведчиков» в Советскую Россию. Выступая перед предпринимателями 13 июня 1919 г., вернувшийся из России Клаус Альбрехт утверждал, что большевики довольно крепко держатся в седле и делать ставку на крах их режима бессмысленно. Более того, в Москве продолжают рассчитывать на новую революцию в Германии, что освободит Советы от всяких обязательств по отношению к властям этой страны [7, 56].

Доклад Альбрехта встретил негативную реакцию чиновников «русского отдела», что было нетрудно предугадать. Кадровые дипломаты ревностно охраняли поле своей экспертной деятельности, считая, что на нем нечего делать чужакам. С их точки зрения, Альбрехт являлся едва ли не агентом влияния большевиков, сознательно приукрашивая реальную ситуацию и будущий потенциал Советской России. Особенное возмущение дипломатов вызвало утверждение докладчика, что в Москве бьет ключом общественная жизнь, хотя всем известно, что российская столица ныне представляет собой «мертвый город». Согласно записке Вальтера Бартельса от 18 июня 1919 г. ознакомительную поездку Альбрехта в Россию финансировали «Сименс» и «Дойче банк», а также ряд менее значительных германских фирм и банков [9, R 10122].

Бартельс, который вернулся в Берлин в мае 1919 г. и продолжил свою дипломатическую службу в «русском отделе», подготовил разгромную рецензию на доклад Альбрехта. Он прекрасно владел русским языком, и ему поручалось проведение переговоров с представителями старой России. Так, Бартельс встречался с А. И. Гучковым, который просил направить содержавшихся в Германии русских военнопленных на Северо-Западный фронт для усиления армии генерала Юденича [1].

Особый интерес представляет запись беседы с правителем Украины в период немецкой оккупации гетманом Скоропадским, состоявшейся в «русском отделе» в июле 1919 г. К тому моменту гетман оказался не у дел, но его размышления о политической ситуации на востоке Европы заслуживают того, чтобы быть приведенными полностью:

«О восстановлении порядка на Украине собственными силами не приходится и думать. Это утверждение действительно не только для Украины, но и для всей России, возрождение которой за счет собственных сил ныне не представляется возможным. Что касается будущего России, то он (гетман. – А. В.) придерживается точки зрения, что возврат к старой самодержавной монархии так же невозможен, как и появление на ее территории различных автономных государств. По его мнению, единственно правильное решение – создание федеративной России, которая охватит все пространство царской империи, за небольшими исключениями, и которая должна иметь сильную центральную власть, при условии предоставления широкой культурной и экономической автономии отдельным частям государства.

Он считает, что уже сейчас необходимо в какой-либо форме принимать меры для обеспечения возможности действовать тем элементам в России, которые стремятся к восстановлению в ней порядка. Он отдает себе отчет в том, что Германия в военном и финансовом отношении не в состоянии на сегодняшний момент что-либо предпринять. Однако она могла бы как минимум изложить свои политические соображения о будущих отношениях России и Украины, которые станут значимой составной частью будущего федеративного государства.

Он попросил дать ему знать, рассчитывает ли немецкое правительство на его участие в будущем проекте восстановления (России. – А. В.) или оно считает, что его роль уже закон-

чена. Поскольку Германия по вышеназванным причинам не может действовать в одиночку, необходимо наладить сотрудничество с одной из держав Антанты, причем он считает самой подходящей для этого Англию.

В ходе дальнейшего разговора он упомянул, что располагает организацией, состоящей из преданных людей, которую до сих пор содержал на свои собственные средства. Теперь он не в состоянии более этого делать и просит сообщить, считает ли немецкое правительство существование данной организации полезным и в дальнейшем и готово ли оно хотя бы частично ее финансировать (около 10 человек)» [4, 160].

Собеседник Скоропадского согласился с тем, что «план создания независимого украинского государства, вероятно, окончательно провалился и соответственно оптимальной формой государственного устройства будущей России представляется образование федеративного государства». Финансовой помощи гетману в МИДе решили не оказывать, фактически списав его со счетов как политическую фигуру. На копии протокола переговоров с гетманом имеется виза Цительмана от 12 июля 1919 г.: «По моему мнению, мы не заинтересованы в дальнейшем существовании вышеназванной организации. С оценкой положения дел, данной Скоропадским, я в целом согласен» [4, 161].

При внутренней реорганизации политического отдела германского МИДа 24 октября 1919 г. Вальтер Бартельс и барон Аго фон Мальцан составили новую структурную единицу – рабочую группу «Коммунизм и большевизм» [9, R 2542]. Тем самым «русский отдел», пусть даже под другим названием, впервые получил свое формальное обоснование. Бартельс вскоре покинул дипломатическую службу, а Мальцан надолго связал свою карьеру с российско-германскими отношениями, внося заметный вклад в сближение двух «париев Версаля», завершившееся в апреле 1922 г. подписанием Рапалльского договора.

Библиография:

1. Ватлин А. Ю., Криницына А. Э. Между Лондоном и Берлином. Челночная дипломатия Александра Гучкова в 1919 г. // Родина. 2015. № 1. С. 56–59.
2. Кенен Г. Между страхом и восхищением. «Российский комплекс» в сознании немцев. 1900–1945. М.: РОССПЭН, 2010. 512 с.
3. Ленин В. И. Речь о годовщине революции 6 ноября. VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6–9 ноября 1918 г. // Полное собрание сочинений. Т. 37. М.: Политиздат, 1969. С. 137–152.
4. Akten zur deutschen auswaertigen Politik 1918–1945. Serie A. Bd. 1. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1982. 516 S.
5. Cameron J. David. To Transform the Revolution into an Evolution: Underlying Assumptions of German Foreign Policy toward Soviet Russia, 1919–1922 // Journal of Contemporary History. Vol. 40. No. 1. 2005. P. 7–24.
6. Hahn P. Rudolf Nadolny. Der unbequeme Diplomat. Badenweiler: Oase Verlag, 2014. 312 S.

7. Linke H. G. Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo. Koeln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1970. 295 S.
8. Nadolny R. Mein Beitrag. Erinnerungen eines Botschafters des Deutschen Reiches. Koeln: Dme-Verlag, 1985. 524 S.
9. Politisches Archiv des Auswaertigen Amtes. Berlin. Politische Abteliung.
10. Rosenfeld G. Sowjetrussland und Deutschland. 1917-1922. Berlin: Akademie-Verlag, 1984. 423 S.
11. Suetterlin I. Die «Russische Abteilung» des Auswaertigen Amtes in der Weimarer Republik. Berlin: Duncker & Humblot, 1994. 284 S.
12. Wollstein G. Rudolf Nadolny. Aussenminister ohne Verwendung // Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte. 1980. H. 1. S. 47-93.

References (transliterated):

1. Vatlin A. Yu., Krinitsyna A. E. Mezhdou Londonom i Berlinom. Chelnochnaya diplomatiya Aleksandra Guchkova v 1919 g. // Rodina. 2015. № 1. S. 56–59.
2. Kenen G. Mezhdou strakhom i voskhishcheniem. «Rossiiskii kompleks» v soznanii nemtsev. 1900–1945. M.: ROSSPEN, 2010. 512 c.
3. Lenin V.I. Rech' o godovshchine revolyutsii 6 noyabrya. VI Vserossiiskii chrezvychainyi s"ezd Sovetov rabochikh, krest'yanskikh, kazach'ikh i krasnoarmeiskikh deputatov 6–9 noyabrya 1918 g. // Polnoe sobranie sochinenii. T. 37. M.: Politizdat, 1969. S. 137–152.
4. Akten zur deutschen auswaertigen Politik 1918–1945. Serie A. Bd. 1. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1982. 516 S.
5. Cameron J. David. To Transform the Revolution into an Evolution: Underlying Assumptions of German Foreign Policy toward Soviet Russia, 1919–1922 // Journal of Contemporary History. Vol. 40. No. 1. 2005. R. 7–24.
6. Hahn P. Rudolf Nadolny. Der unbequeme Diplomat. Badenweiler: Oase Verlag, 2014. 312 S.
7. Linke H. G. Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo. Koeln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1970. 295 S.
8. Nadolny R. Mein Beitrag. Erinnerungen eines Botschafters des Deutschen Reiches. Koeln: Dme-Verlag, 1985. 524 S.
9. Politisches Archiv des Auswaertigen Amtes. Berlin. Politische Abteliung.
10. Rosenfeld G. Sowjetrussland und Deutschland. 1917-1922. Berlin: Akademie-Verlag, 1984. 423 S.
11. Suetterlin I. Die «Russische Abteilung» des Auswaertigen Amtes in der Weimarer Republik. Berlin: Duncker & Humblot, 1994. 284 S.
12. Wollstein G. Rudolf Nadolny. Aussenminister ohne Verwendung // Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte. 1980. H. 1. S. 47–93.